

София Фурман
Санкт-Петербург
Россия
Интервьюер – Софья Шифрина

София Айзиковна Фурман – очень приветливый, по-домашнему уютный человек. Общее впечатление от встречи с ней – светлое и радостное, хотя говорили мы о тяжелых, даже трагических моментах жизни ее семьи. Приятное впечатление добавляет чистая, аккуратно прибранная, светлая и очень солнечная квартира, в которой С.А. живет одна. Ее сын, впрочем, часто навещает ее. К нашей встрече С.А. подготовилась очень серьезно - все даты, имена и события, которые относятся к истории ее семьи, она заранее выписала, чтобы ничего не упустить, или запомнить. Чувствовалось образование библиотекаря.

Я – Фурман София, родилась в 21 июня 1935 года в Ленинграде, в семье кадрового военного, хотя мои родители родом из Белоруссии.

Отец моего отца – Мендель Залманович Фурман (?- 1942) родился и жил в Белоруссии. После образования колхоза «Коминтерн», мой дед работал в колхозе (1). В каком году он родился - я не знаю, а погиб он во время ленинградской блокады в 1942 году. С 1934 года он жил в Ленинграде, на Васильевском острове (5 линия, дом 52, квартире 1) и так как был уже пожилой, то находился на иждивении детей. У него было четверо детей - три сына и дочь.

Мать моего отца (? – 1915), моя бабушка по папе, в браке с Менделем Залмановичем, родила 4 детей и умерла, когда младшему ребенку было 1, 5 года. Умерла она в 1915 году, и я, к сожалению, даже не знаю ее имени. Все ее три сына погибли во время войны, включая и моего папу, а младший ребенок, девочка (Бася Фурман), осталась жива после войны.

Старшим сыном Менделя Фурмана был мой папа, Айзик Фурман (rusfu003.jpg) (1909 – 1941), который родился в 1909 году в Белоруссии. До 1929 года он жил в деревне Веркуды Горбатецкого сельского совета Ушадского района Белоруссии (ныне – Витебская обл.) два года учился в еврейской школе, потом немножко жил в селе Уллы (там он работал в рыболовецких артелях). Там же работал его младший брат Михаил (? - ?), он тоже погиб в войну в Белоруссии. В 30 –ые годы мой отец приехал в Ленинград. Он был кадровый военный, служил в Осиновой Роще (пригород Ленинграда) в батальоне связи, был политруком, воевал в Финскую войну, получил орден Красной Звезды за Финскую войну, вот его фотография (rusfu003.jpg). Погиб он в 1941 году примерно в сентябре, потому что последнее письмо от него было в августе месяце 1941 года. Погиб он на фронте, в боях под Ленинградом.

Средний сын моего деда Менделя (rusfu010.jpg) - Ефим Фурман (1893 – 1943) в конце 20-ых годов приехал в Ленинград, работал на заводе «Гидравлик», окончил институт и перед войной работал в Эстонии (Прибалтийская страна). В начале войны, во время эвакуации кораблей из Таллина (в то время - столица Эстонской ССР), их корабль был потоплен, и Ефим погиб, но официальных сведений о смерти не было. Я знаю только, что он был женат, жена по всей видимости тоже погибла в войну, а детей у них не было. На фотографии вместе с Ефимом сфотографированы его друзья. Тот, что в центре фотографии, после войны в 50-ые годы, приходил, как земляк, к моей тете Гите и Зине. Он был член инициативной группы, которая собирала деньги на памятник, который поставили в Камене на могиле расстрелянных евреев. У него там тоже вся семья была

расстреляна. И я очень хорошо его помню, только имени и фамилии его не помню. Он прошел всю войну и все после войны очень хотел увековечить память о погибших евреях, не смотря на то, что так в те годы относились к евреям. И он добился своего, этот памятник сейчас стоит на месте расстрелянных евреев (rusfu014.jpg)

Четвертый ребенок в семье моего дедушки Менделя - дочь Бася Фурман (rusfu001. jpg) (? – 1955). Мать у этих детей, жена моего деда умерла, когда Басе было полтора года, в 1915 году, а так как у Менделя девочек не было в семье и он не женился больше, он отдал Басю брату своей жены - моему деду по маме. В той семье было много девочек и Бася воспитывалась в той семье, они считали ее своей дочерью (семья Шухмана Абрама Гиршевича). Бася еще до войны вышла замуж, когда началась война, и немцы стали наступать на территорию Белоруссии, она успела бежать. Одна, с детьми (два сына и дочка), в чем была бежала прямо перед немцами и добралась она до Горьковской области, куда и мы тоже были эвакуированы. После освобождения Белоруссии, она вернулась туда, работала в Витебском районе учительницей, преподавала в младших классах. Всего она родила 5 детей, у нее – три сына и две дочери, все живы до сих пор.

Бася Фурман, выйдя замуж, стала Василевской, жена Василевского дяди Миши. Дядя Миша приезжал к нам после войны, он остался жив, а умер примерно 10 лет назад. Старшая их дочка Лариса, - сейчас учительница биологии, она живет в Минске. Дочь Светлана - учительница начальных классов, работает в интернате для больных детей. Младший сын, Виктор, – работал на заводе Гидравлик, был инженер, потом пошел в летное училище, служил в Забайкалье, а на пенсию ушел уже полковником. Все дети Баси Василевской (в девичестве – Фурман) сейчас живы и живут в Белоруссии.

Мой дед по маме – Шухман Абрам Гиршевич (rusfu001. jpg) родился в 1871 году, а в сентябре 1941 года, 17 сентября, в местечке Камень (он жил там. Сейчас это Белоруссия, Витебская область, Лепельский район) фашисты расстреляли все еврейское население, в том числе и моего деда. Сейчас на этом месте стоит памятник, поставленный в честь погибших 137 евреев (rusfu014.jpg), расстрелянных тогда немцами, в том числе и моему деду. Говорили, что у деда был довольно большой дом и мне рассказывали, что он был связной у партизан и в его доме была их явка. Немцы его арестовали, страшно пытали. Говорят, у него была большая борода и немцы выдернули ему всю бороду, потом расстреляли. Уйти, покинуть село перед оккупацией, как это сделала Бася, он видимо не мог, старый был уже.

До войны мой дед был прекрасным сапожником, я знаю, что он работал в артели и хорошо зарабатывал, у него было много детей, 7 человек. Жена у него умерла во время интервенции, во время нашествия поляков. Год ее рождения я не знаю, и сестры мои не знают. Умерла она в 1919 году от тифа. Моя мама рассказывала, что она очень кричала, но помочь ей никто не мог. Они прятались от поляков и от интервенции. Там то немцы, то поляки были. Грабили, и никто не мог помочь. Бабушка умерла, когда маме было 9 лет, а ее младшему брату – 6 лет. Моя мама была предпоследним ребенком в семье деда.

Мой дед, Абрам Гиршевич Шухман (rusfu001. jpg), был очень религиозный человек. Я помню, как в 1941 году, 21 июня у меня был день рождения (я – 1935 года рождения, мне исполнилось 6 лет) и это была суббота. И все родственники собрались у нас дома, чтобы отметить мой день рождения в воскресенье, 22 июня 1941г. – в день начала войны. Вся родня собралась. Мы жили в Осиновой Роще (пригород г. Санкт-Петербурга, район Парголово) тогда, там мой папа служил в военном городке. Приехали и два моих деда. Дед Абрам Гиршевич приехал как раз к нам, а ему перед этим делали какую-то операцию, я отчетливо помню, как картинку, что у него была завязана рука и плечо. Я помню, как он

ел. Ему моя мама готовила специально кошерную пищу, поэтому и в больнице, когда он лежал, он там ничего не ел больничного, ему еду носили его дочери. Мама рассказывала, что у них синагога была рядом с домом (в Белоруссии, в местечке Камень), и что дед был старостой в синагоге. По праздникам он принимал всех у себя в доме, значит, какой-то недостаток у него был, потому что много детей, все работали и он, мой дед был очень трудолюбивый человек.

Мой день рождения отмечала вся родня, у меня был отдельный, детский столик, мы сидели там с двоюродной сестренкой. Помню одного деда, другого деда, бабушек уже не было в живых, помню своих теток в тот день.

Первая - это Любовь Абрамовна, сестру моей мамы. По мужу она – Немцова. Она родилась в 1895 году и умерла в 1955. Она тоже от немцев убежала, когда началась война, и тоже к нам в горьковскую область приехала. Муж ее – Самуил, он рано умер, был на фронте, и после войны как-то сразу умер. Она очень плохо говорила по-русски, в основном на идиш.

Помню Ефима Абрамович Шухмана (1898-1943), старшего брата моей мамы. Он первый перебрался в Ленинград в конце 1920 году. Он, как и отец, работал сапожником в Ленинграде в какой-то артели, и был очень хорошим сапожником. Именно Ефим позднее перетащил всех своих сестер и младшего брата Наума, в Ленинград. Погиб он на Невском Пятачке (на подступах к Ленинграду) 15.01.43. У меня сохранилась похоронка, в которой сообщается о его смерти (rusfu008.jpg) На войне он был снайпером. После смерти папы, мама получила от Ефима одно только письмо, в котором он утешал ее. Писал ей, чтобы она не боялась, что он будет ей помогать, - она была любимая его сестричка. Он ей и свадьбу справлял.

Была еще сестра моей мамы - София Абрамовна Шухман, но про нее я очень мало знаю. Знаю только, что она умерла в день своей свадьбы. Мама (Михля Шухман, жена Абрама Шухмана) у всех этих детей умерла рано, в 1919 году. Любовь, старшая дочь, вышла замуж еще раньше, и София опекала всех младших, была для них как мать. Собираясь замуж, София очень переживала, что младшие ее сестры и брат останутся без присмотра. Все думала, как же все будут без нее (еще все такие маленькие были), да и сердце у нее было не очень здоровое - и вот в день своей свадьбы она умерла, подробностей не знаю. Меня называли в ее честь.

Самый младший брат моей мамы - Наум Абрамович (1913-1980) (rusfu011.jpg) - это довоенная фотография. Во время войны он был летчиком. Их эскадрилья летала бомбить Берлин во время войны. После войны он служил на Дальнем Востоке, на Камчатке и на Сахалине.

Рита Абрамовна Шухман (1905-1969) была инвалидом с детства. У нее рука плохо действовала и нога, она здесь долго лечилась в больнице и жила в Ленинграде на Лермонтовском проспекте. С ней же жила Злата Абрамовна Шухман ее родная сестра (все ее звали Зинаидой) (1908-1988).

Мама моя, Роза Абрамовна Шухман, (в замужестве – Фурман) (1910-2000) была шестым ребенком (rusfu002.jpg), так как самым младшим был Наум. Моя мама прожила до 2000 года, когда она умерла, ей не хватило одного месяца до 90 лет. Последние 8 лет она лежала, почти не ходила.

История знакомства моих родителей была очень проста. Дело в том, что, фактически, они были в определенном родстве друг с другом. Шухман Абрам Гиршевич, отец моей мамы, имел сестру, она была женой Менделя Залмовича, матерью моего отца. Т.е. моя бабушка по папе была сестрой Шухмана Абрама, - моего дедушки по маме. В девичестве она (бабушка по папе) тоже была Шухман. Потом они еще породнились таким образом: Бася, дочь моей бабушки по папе, воспитывалась у моего деда по маме. И, конечно, братья все время навещали свою сестру в той семье, они были все как родные. И вот папа, часто навещая свою сестру Басю, влюбился в мою маму, и мама влюбилась, и никакие отговоры родственников уже не действовали. Так что, как их ни отговаривали, они решили пожениться. Папа мой к этому времени уже был кадровым военным, и чтобы пожениться, они поехали с мамой в Белоруссию. У меня есть свидетельство о их браке (rusfu006.jpg). Это было в 1934 году, а я родилась в 1935 году.

Поженившись, мои родители жили в Осиновой Роще (пригород Ленинграда, ныне – Санкт-Петербурга). Въехали они в Осиновую Рощу чуть ли не первые, тогда только строился военный городок, и дом еще был сырой, когда они въезжали в него. И в этом доме мы прожили до войны, до 1941 года.

Когда началась война, папа отправил нас в эвакуацию, его часть перебазировалась, и он смог как-то с солдатами переехать в Ленинград, и последним товарняком он нас отправил к своему адъютанту, в горьковскую область, в деревню Чад. Мы уехали в эвакуацию в июле месяце последним поездом, по дороге наш поезд на какой-то станции разбомбили немцы, я помню, что мы с мамой перебирались через рельсы. У мамы была я (мне тогда было 6 лет), с нами был мой маленький братик (rusfu004.jpg), который родился 20 декабря 1939 года (ему было 1, 5 года) и еще мама взяла с собой дочку своей сестры, Зинаиды (Златы), потому что Зинаида работала на номерном заводе и ее не выпустили из Ленинграда. И она моей маме поручила свою дочку, которая была на 5 месяцев старше меня. Звали ее Инна Никитина. И вот мама с тремя ребятами выехала из Ленинграда на товарняке. Причем, выезжали мы очень страшно, и у меня как фотография отпечаталась в памяти картина отъезда. Наверное, страшные моменты жизни лучше отпечатываются в памяти. Я помню, как нас сажали в вагон через окна, было очень много народу, что была страшная толчея, и солдаты стояли между нарами и принимали нас, детей, через окно. Папа вслед какой-то багаж нам отправил, и все потерялось. С собой из вещей у нас был один чемодан, в котором была какая-то ерунда. Так мы оказались в Горьковской области голодные и раздетые.

Мы приехали к родным папиного адъютанта, в деревню Чад, горьковской области. Но это место показалась маме глухой деревней, потому что и жить было там негде, и работы она не смогла там найти. Тогда мама встала на учет в местный военкомат, и местный военком отправил нас в деревню Вад, более цивилизованное место, - это был центр района. Мама сначала устроилась на работу в колхоз, работала там на подхвате, а потом в Чад приехал эвакуированный из Украины военный госпиталь. И мама пошла туда работать. Сначала санитаркой (у нее не было медицинского образования), потом ее взяли в операционную (она была очень общительная и умная женщина). К ней очень хорошо относился профессор старенький (я фамилии его не запомнила) и он очень опекал маму. Он знал, что у нее трое маленьких детей и мы, в общем-то, голодали. На работе, в госпитале, им давали какое-то питание и она старалась все принести нам, детям, чтобы мы поели. А он, этот профессор, чувствовал, что она голодная и он ее со своего пайка подкармливал, и жена его тоже. Я помню, как мама приносила старые бинты из перевязочной, что должно было выбрасываться, он ей эти бинты отдавал, предлагал прокипятить и мама из этого нам шила одежду. Или при всяком удобном случае стакан, или ложечку, - все старался маме отдать.

Через какое-то время госпиталь уехал, был переброшен ближе к фронту, а так как у мамы на руках были мы, дети, она не могла уехать вместе с госпиталем. В это же время моя сестренка (Инна Никитина), которая была в эвакуации с нами, умерла. Получилось так, что все втроем, мы, дети, заболели корью, и она не перенесла болезни, т.к. у нее был больной желудок. У нас с братом корь высыпала, я помню, а у Инны – не было высыпания, и даже температуры у нее одной не было. Но так случилось, что я утром просыпаюсь (мы с ней в обнимку лежали), а она – мертвая. Мы с ней очень дружили (rusfu005.jpg).

Пока мы были в эвакуации, мама получала от моего папы письма с фронта, последнее письмо пришло в 1942 году, в августе. Я храню его, как семейную реликвию, это ведь последняя весточка от моего отца. Написано оно карандашом, на небольшом листке. После этого письма он пропал, от него мы больше не получали писем и ничего было о нем неизвестно. Через какое-то время мы узнали, что он погиб (rusfu009.jpg).

Когда мы были в эвакуации (в селе Вад, горьковской области), тетя Люба, мамина старшая сестра, и Бася, мамина двоюродная сестра говорили, в основном, на идиш, хотя они были и не такие верующие, как их папа, Абрам Шухман. Моя мама и ленинградские тети мои (Гита и Злата) тоже говорили по-еврейски. Когда мы жили в горьковской области, они между собой говорили в основном по-еврейски и я тоже невольно узнала этот язык, но потом его забыла.

Мама и папа тоже говорили на идиш. Но папа был военным и в его кругах это вообще не поощрялось. Вся моя последующая взрослая жизнь тоже отбила у меня те знания. Одно, разве что, связывало нас с еврейскими традициями, это то, что мама моя очень хорошо готовила еврейские традиционные блюда, еврейская кухня славилась тогда. И я сейчас очень люблю готовить, но я живу одна и готовить в общем-то некому, только если по праздникам, или для сына.

Вернулись в Ленинград мы в 1944 году, как только сняли блокаду (2). Выехали из эвакуации в Ленинград мы одни из первых. Вызов в Ленинград сделала нам мамина сестра (живущая на углу Лермонтовского пр, и ул. Союза Печатников, д.8/10) , она оставалась в Ленинграде всю блокаду – Гита Абрамовна. Ее муж работал в воинском штабе, и он сделал вызов на маму, как жену военнослужащего.

Всю войну и всю блокаду (Ленинграда (2) Гита Абрамовна пережила полностью, умерла она только в 1969 году. Ей было очень тяжело. Однажды, она была дома, и снарядом во время бомбежки снесло целый угол ее дома, но она осталось жива, только ударной волной ее сильно отбросило и ударило. Мы после войны помогали ей восстанавливать квартиру в 1944 году. Я помню то время, 1944 год в Ленинграде. Когда я ходила по улицам Ленинграда, меня удивляло, что город, так безжалостно разрушенный, совсем не производил такого впечатления. Я много видела нарисованных на картоне окон, фрагментов домов, смонтированных, как щиты. Для того, наверное, чтобы не видно было, что дома разрушены, маскировка такая. Вот идешь, смотришь издали, вроде дом, а поближе посмотришь – одни развалины. Было очень много разрушенных домов, а снаружи – заделанных, замаскированных – тогда очень хорошо следили за этим. В январе прорвали блокаду, а мы уже в апреле приехали в Ленинград. Я помню, что когда мы добирались домой, то снега уже не было.

Злата Абрамовна Шухман (мы звали ее тетей Зиной), отправлявшая с нами в эвакуацию свою девочку Инну, которая там и умерла (rusfu005.jpg), приехала в горьковскую область, ее выпустили из Ленинграда, когда уже прорвали блокаду, и похоронила дочку. До

самого последнего она так и не оправилась от потери, всю жизнь она переживала, плакала, так замуж и не вышла. Каждый год ездила, навещала там могилу, пока хватало сил. Когда ездить стало тяжело, тетя Злата привезла землю с могилки дочери Инны в Ленинград и подхоронила в общую могилу, туда, где тетя Гита была похоронена - на еврейском кладбище 9 января – 44 участок. Потом я туда и тетю Злату (Зину), и маму свою подхоранивала.

До войны мужа тети Златы Шухман репрессировали, сослали. Ее муж был поляк по национальности, наверное, еврейский поляк. Они вместе окончили Московский Университет. Она даже инструктором в райкоме (Районный Комитет Коммунистической партии) работала, он – преподавателем в свердловском институте. Потом, по какому-то сфабрикованному делу его забрали, оправдали только после войны. После ареста мужа тетя Зина бежала с девочкой, бросила все документы, все оставила. Сначала в прачечных работала, на тяжелых работах во время войны, т.е. она скрывалась, боялась ареста. А потом она в Ленэнерго (Ленинградская Энергетическая Организация) инспектором работала, вышла на пенсию в свои 60 лет. После войны, я знаю, она посылала своему мужу много посылок, а потом я его судьбу не знаю. То ли женился, то ли умер. Это в нашей семье была запретная тема, я еще была не очень и взрослая и про это мне нельзя было говорить.

Когда весной 1944 года, мы вернулись с мамой из эвакуации в Ленинград, я помню, что до Озерков (ближний пригород Ленинграда) мы доехали на трамвае, а потом до Осиновой Рощи (там, где мы жили до войны, в военном городке) шли пешком. Это было довольно далеко, а мы с Мишей, моим братом, еще маленькие были. Помню, часто останавливались, отдыхали и шли долго. Когда добрались, то увидели, что нашу квартиру разграбили. До эвакуации часть вещей мы сдали в коммунальную эксплуатационную военную часть (КЭЧ), которая находилась в Левашово, и эту часть вещей нам потом отдали. Но это была малость. Когда мы вернулись, у нас была совершенно пустая комната, амбразура из кирпичей в окне, солдатская вешалка и солдатская кровать стояла в углу без матраца. И все, больше ничего. Там мы остались жить и худо-бедно прожили там до 1967 года, во всяком случае, мама с моим братом, - я на некоторое время уезжала из дома.

После войны Мише, моему младшему брату, было 5 лет. Я в эвакуации, в Горьковской области, закончила первый класс. Когда мы приехали в Ленинград, обнаружилось, что у нас, в Осиновой Роще, не было школы и я ходила в школу в деревню Левашово, которая находилась в полутора километрах от нашего дома. Транспорта тогда никакого не было, и в школу я ходила пешком. Михаил начал ходить в детский садик. Потом, когда он подрос, он начал учиться в осинорощинской школе, которую уже к тому времени открыли. Я уже училась в шестом, или в седьмом классе, когда он пошел в школу. В Мишиной школе я была вожатой - сначала октябрятской, потом, прямо в его классе. Потом он учился в Парголовской школе (после 7 лет в осинорощинской школе), причем Миша участвовал в строительстве школы, ребята там каменщиками работали, тогда это все поощрялось. Я же продолжала учиться в Левашово, закончила там 7 классов, потом перевелась в парголовскую (поселок Парголово) среднюю школу и окончила там 10 классов. Однажды у нас гостил мамин брат Наум, он в то время уже служил в Чите, был заместителем командующего по разведке, был летчик. Он гостил у нас, приезжал с женой и уговорил меня туда поехать. Мы жили бедно, а он мне сказал, что там я поступлю в институт, что там поступить легче, чем в Ленинграде. Я тогда мечтала быть учителем и обязательно - учителем истории.

В Ленинграде, действительно, было трудно поступить в институт, да и жить нам с мамой было не на что и я решилась уехать в г. Читу, как и советовал мой дядя Наум. Там я поступила в педагогический институт на исторический факультет, потом нас объединили с иностранным факультетом, а потом объединили с литфаком (Литературный факультет), так я окончила историко-филологический факультет в 1959 году (rusfu012.jpg). Свободный диплом в те времена не давали, и я по распределению поехала в Улетовский район – 120 километров от г.Читы. Село называлось Улёты. Железная дорога в 120 километрах. Один колодец на все село. Там, конечно, я быстро вышла замуж, и у меня родился сынуля (Михаил). Муж был механиком и потом он поехал учиться в сельскохозяйственный техникум в Чите, окончил его. Потом в Иркутске (город в Сибири) он окончил сельскохозяйственный институт. У нас не сложилась семейная жизнь, я разошлась с мужем, отработав в селе Улёты 4 года, а потом я вернулась в Ленинград.

По приезду, выяснились новые осложнения - меня не прописали к маме в ту комнату, из которой я уехала до института. Фактически, не разрешили там жить - поезжай куда хочешь. И мне пришлось устроиться (устроили знакомые) работать в поселке Рошино, старшей пионервожатой в восьмилетнюю школу. Там я проработала (там же снимала комнату) некоторое время. Материально было очень тяжело, - надо было платить няне, платить за жилье, хотя мне какую-то часть и платила школа. А потом мне удалось устроиться в школу в Осиновой Роще, там еще работали мои учителя, которые меня учили и меня там знали. Места учителей все были заняты и меня взяли пионервожатой. А потом моя заведующая школы перевела меня в парголовскую школу, там у меня была очень маленькая ставка, я давала мало уроков (преподавала историю). И на мое несчастье сменился директор, который тоже был историк и он забрал мои часы по истории и всучил мне пионерскую работу.

Мама моя работала у командующего округом, в общем-то на секретной работе, что-то вроде домоправительницы у этого командующего, солдаты были у нее в неформальном подчинении и ей помогали. Работая всю жизнь в военном городке, она тоже давала военную присягу. В 1968 году моя мама уходила на пенсию, и ей от военной части дали квартиру в Ленинграде, в районе Черной Речки, в которой я сейчас и живу. И так как мы переехала из Парголово с мамой, и ездить так далеко на работу (в школу) стало очень неудобно, то я устроилась работать в Публичную библиотеку. Когда я туда пришла, оказалось, что по негласным законам евреев туда не брали на работ. Взяли меня только в один отдел – газетный и то только потому, что там заведующая была еврейка и работала она там очень давно, проработала в библиотеке всю блокаду. Звали ее Григорьян Татьяна Соломоновна, она и приняла меня на работу. В ее отделе была нехватка людей и это была очень физически тяжелая работа – таскать целые тома газет «Правда», «Ленинградская правда», переплетенные за несколько месяцев. Так мы их таскали, описывали, а когда требовалось описать газеты за 30 лет! А какие там стеллажи пятиметровые! Так мы их на стремянках доставали, на тележках возили, - физически тяжелая была работа. Там я проработала почти 22 года. Приняли меня на работу, как исполняющую обязанности библиотекаря, потом я стала библиотекарем, потом окончила высшие библиотечные курсы при публичной библиотеке и получила второе высшее образование в 1969 году.

Мой родной, младший брат Михаил (1939-1997) окончил школу с серебряной медалью и поступил в военно-механический институт в Ленинграде, закончил, по распределению попал в Кременчуг, полтавской области на машиностроительный завод, и проработал там всю свою жизнь. Там же он женился через год после своего туда приезда, она была библиотекарем и очень хорошая женщина Полина (rusfu013.jpg), семья ее очень хорошо приняла. У него двое детей и сейчас они живы, мы с ними в хороших очень отношениях.

Сын моего брата, Александр, окончил в Москве механическое отделение железнодорожного института, вернулся на Украину и работал на машиностроительном заводе, где и отец работал. Потом он отслужил в армии, вернулся, попал в ядерно-космическую школу и немного облучился, поэтому, наверное, детей в его семье нет (женился на своей однокласснице).

Дочка, Галочка, окончила в г. Кременчуге (город на Украине) институт, вышла замуж, родила девочку, но долго не могла найти работу и только сейчас устроилась в коммерческую фирму бухгалтером.

Брат мой был очень умный. Он написал диссертацию, но получились разногласия между московскими и ленинградскими руководителями и его диссертацию не утвердили. Занимался он шоссейными покрытиями. У него были значки лучшего машиностроителя в своей специальности, он заведовал СКБ (Конструкторским Бюро), был разработчиком. Михаил приезжал к нам каждое лето. С начала 1997 года его отправили на пенсию, потому что он много болел, и получилось так, что из-за диабетической болезни ему отняли ногу. Мы любили друг друга, я очень переживала, когда его не стало, все же он младше меня.

Мой сын, Михаил, родился в 1960 году, 4 декабря. Михаилом я назвала его в честь своего брата. Когда родился мой братик, а я была еще ребенком, то брата своего тоже я назвала Михаилом, это я ему дала имя. А все потому, что у Баси был муж Михаил, и он мне очень нравился, хотя я еще девочкой была, он казался мне очень красивым. И я очень просила, чтобы братика назвали Михаилом.

Михаил, мой сын, окончил высший военный университет связи в Ленинграде. Уверена, именно потому, что его дедушка (мой отец) был военным. Будучи равнодушным, к судьбе своего дела, моего отца, он искал сведения о нем, также раздобыл сведения о Ефиме, мамином брате, который погиб на высотах, в Кировском районе, где и похоронен. Михаил добился через военкомат, чтобы его похоронили. Нам прислали сообщение, что он похоронен, что он погиб, что был снайпером во время войны на Невском пятачке.

Михаил служил до 1997 года в ракетных войсках, служил 20 лет. Сейчас работает в сфере коммерческой недвижимости. Женился, развелся, когда служил в Переславль-Залесском. Потом он служил на Алтае, сидел в этих шахтах ракетных начальником смены. Здоровья потерял много. Потом служил на Севере, в Ленинграде немножко, и уволился, когда началось активное сокращение военнослужащих, и стал себе искать работу по специальности. По своей специальности не нашел работы, закончил курсы по недвижимости и сейчас работает в этой сфере.

1. *Kolkhoz*: In the Soviet Union the policy of gradual and voluntary collectivization of agriculture was adopted in 1927 to encourage food production while freeing labor and capital for industrial development. In 1929, with only 4% of farms in kolkhozes, Stalin ordered the confiscation of peasants' land, tools, and animals; the kolkhoz replaced the family farm.
2. *Blockade of Leningrad*: On September 8, 1941 the Germans fully encircled Leningrad and its siege began. It lasted until January 27, 1944. The blockade meant incredible hardships and privations for the population of the town. Hundreds of thousands died from hunger, cold and diseases during the almost 900 days of the blockade.